

Посвящается Холли и Матильде

В том, что касается изложения собственной истории, мужчины всегда имели перед нами все преимущества... перо было в их руках.

Джейн Остин. Доводы рассудка

СЕМЬИ

ОСТИНЫ

Преподобный Джордж Остин, викарий Стивентона, и его жена, миссис (Кассандра) Остин: у супругов было восемь детей, один из которых, названный Джорджем в честь отца, из-за умственного расстройства жил вдали от семьи.

Остальные:

Джеймс сменил отца на посту викария Стивентона. После смерти своей первой жены женился на Мэри Ллойд. У него было трое детей: Анна, Джеймс-Эдвард и Кэрролайн.

Эдвард, усыновленный богатыми родственниками, стал землевладельцем. Женился на Элизабет, у супругов родилось одиннадцать детей. Старшая дочь, Фанни, была любимицей его сестер Кассандры и Джейн.

Генри сначала служил в армии, затем стал банкиром и, наконец, священником. Самый умный и самый светский

из братьев, он помог Джейн найти издателя и выступил в качестве ее агента.

КАССАНДРА была помолвлена с Томом Фаулом; позже стала распорядительницей литературного наследия сестры.

ФРЭНСИС (ФРЭНК) поступил во флот, дослужился до должности адмирала и в конечном итоге был посвящен в рыцари. После смерти первой жены, оставившей ему одиннадцать детей, женился на **МАРТЕ ЛЛОЙД**.

ДЖЕЙН написала шесть завершенных романов, два из которых были опубликованы посмертно. Скончалась в июле 1817 года.

ЧАРЛЬЗ также был моряком.

ФАУЛЫ

ПРЕПОДОБНЫЙ ТОМАС ФАУЛ, викарий Кинтбери, и его жена **МИССИС (ДЖЕЙН) ФАУЛ** имели четырех сыновей.

ФУЛВАР КРЕЙВЕН стал преемником своего отца на посту викария Кинтбери и женился на **ЭЛИЗЕ ЛЛОЙД**. У них было три сына и три дочери: **МЭРИ-ДЖЕЙН**, **ЭЛИЗАБЕТ** и **ИЗАБЕЛЛА**.

ТОМ был помолвлен с Кассандрой.

УИЛЬЯМ стал военным врачом, а **ЧАРЛЬЗ** — юристом. Оба умерли молодыми.

ЛЛОЙДЫ

ЭЛИЗА была женой Фулвара Крейвена Фаула.

МАРТА стала близкой подругой Кассандры и Джейн Остин.
В зрелом возрасте вышла замуж за Фрэнка Остина, вдовца.

МЭРИ вышла замуж за Джеймса Остина.

— Давай пройдемся по этой дорожке.

Он прикрыл за ней садовую калитку и указал на Вязовую тропу. Она поплотнее закуталась в шаль и глубоко вдохнула свежий воздух, напоенный ароматом вешней зелени. Шел 1795 год. Прекрасный день, казалось, полагал, что он-то и есть первый весенний. Высоко в кроне дуба распевали птицы, ликующе славя обновление мира; липко поблескивала молодая листва.

Вместе они поднялись по склону за домом священника, миновали пролом в живой изгороди, и там — подальше от зорких глаз ее семейства — он остановился и взял ее за руку.

— Любовь моя, — начал Том.

Кэсси улыбнулась: наконец-то. Она жаждалась этой минуты.

— О... — Он умолк, внезапно смутившись. — Думаю, ты знаешь, что я собираюсь сказать.

— Правда? — Кэсси взглянула на него ободряюще. — Однако я всем сердцем желала бы услышать эти слова от тебя, о чем бы они ни были. Прошу, продолжай.

И он заговорил. Речь эта не отличалась гладкостью, а ведь у него было достаточно времени, чтобы приготовить и отшлифовать ее. Местами объяснение в любви вышло с запинками — он любил ее с тех самых пор... даже не помнит, с каких... она единственная, кого он видел своей... гм... суженой — и тому подобное, но она все равно была тронута. Совсем в его духе, он ведь такой милый, — получилось одновременно и волшебно, и обыденно, как и надлежит таким минутам. Когда показалось, что он уже утрачивает власть над словами, даже неловкими и неподходящими, она пощадила его. Они поцеловались, и ее с головы до ног захлестнула волна — чего же именно? — да: удовлетворения. Сбывалась ее судьба. Ее жизнь устраивалась так, как надо.

Они немного прошли рука об руку и обговорили условия помолвки. В сущности, волновало обоих лишь одно: что помолвка выйдет долгой. И эти ужасные «двести пятьдесят фунтов» и «в год», которые непременно требовалось упомянуть, — что за докука для молодых! Но не упомянуть их было никак нельзя. Он попросил ее проявить терпение; она пообещала, даже не задумываясь. Кэсси было всего двадцать два; в распоряжении четы будут еще годы и годы. А терпением Кэсси славилась наряду с прочими многочисленными достоинствами. Пара повернула домой, спеша поделиться радостной новостью с родными.

Новость эта была встречена со всеми бурными восторгами, каких только могли пожелать влюбленные, но без малейших потуг изобразить удивление. Ведь эта помолвка — между мисс Кассандрой Остин из Стивентона и молодым преподобным Томом Фаулом из Кинтбери — в местном обществе считалась свершившимся фактом задолго до того,

как молодая чета дала друг другу слово наедине. Ведь они — безупречная пара, из тех, чей брак всем в радость. А потому иного будущего у них и быть не могло — лишь сей счастливый исход.

Небеса предрешили для них эту благодатную участь еще много лет назад.

ГЛАВА 1

Кинтбери, март 1840 года

— Мисс Остин, — раздался голос откуда-то сзади. — Прошу меня простить. Я не знала, что вы здесь.

Кассандра обернулась. Улыбнуться она еще смогла, однако не шелохнулась и так стояла на пороге дома викария. О, как бы ей хотелось выразить свои чувства — и она даже ощутила где-то в глубине души знакомые потаенные всплески былой экспансивности, — но сейчас просто-напросто слишком устала. Ее старые косточки растрясло после утомительного путешествия дилижансом из Чотона, где она жила, а стылый речной ветер пронизывал насквозь. Она стояла рядом со своим багажом и ждала, пока Изабелла подойдет ближе.

— Мне пришлось навеститься в ризницу, — на ходу объяснила Изабелла, шагая от церковного кладбища. Она и так всегда была незаметной и бесцветной, а теперь на ней, бедняжке, разумеется, было траурное платье, которое сидело скверно и ничуть не украшало ее щуплую фигуру. — Остаются еще кое-какие дела... — На фоне зеленого склона,

усеянного примулами, она скользила как тень. — Еще столько всего переделать...

Если что-то и приковывало взор к Изабелле, то разве только гончий пес рядом. И хотя голос Изабеллы звучал донельзя виновато, но сама она шла на диво неторопливо. Даже Пирам, который вместе с хозяйкой перешел с травы на дорожку, посыпанную гравием, двигался будто неохотно, волоча лапы.

Кассандра подозревала, что ее появлению не рады, и, если это вправду было так, могла винить лишь себя саму. Одинокой женщине не пристало заживаться на этом свете, когда от нее уже нет никакой пользы. Это просто невоспитанно. Она приехала без приглашения, у Изабеллы сейчас свои заботы: положение неловкое, но вполне понятное. Хотя пес, пожалуй, мог бы и выказать радость появлению гостя.

— Дорогая моя, вы так добры, что позволили мне приехать.

Она обняла Изабеллу — та держалась как воплощенная хладнокровная вежливость — и обласкала Пирама, хотя откровенно предпочитала кошек.

— Но неужели вас никто не встретил? Разве вы не позвонили в дверь?

Разумеется, Кассандра позвонила в дверь. Она прибыла почтовым дилижансом, и шума и суматохи было более чем довольно, чтобы ее прибытие не осталось незамеченным. Кучер дернул дверной колокольчик раз, и еще раз. Людей вокруг она успела увидеть предостаточно: мимо непрерывным потоком катились телеги, и на них ехали с полевых работ батраки, прошла стайка мальчишек, промокших до колен, с головастиком в ведре. Кассандре нестерпимо

хотелось заговорить с ними — она обожала головастиков и еще больше обожала ребятишек, охваченных невинной страстью к живности, — но мальчуганы словно бы не заметили ее. А в доме на звонок так никто и не откликнулся, хотя эта строптивая служанка — как бишь ее? Память Кассандры, всегда поразительно крепкая, теперь начала изнашиваться, пусть лишь по краям, — служанка наверняка отлично знала, что Кассандра стоит за дверью.

— Я приехала некстати. Ах, Изабелла! — Кассандра взяла ее руки в свои, заглянула в бледное личико. — Скажите, как вы?

— Нелегко пришлось, Кассандра. — Глаза Изабеллы покраснели. — Тяжело пришлось. — Она с трудом овладела собой. — Однако скажите, как вам теперь нравятся старые места? Вы уже успели осмотреться?

— Здесь все в точности как прежде. Милый, милый Кинтбери...

Дом приходского священника целых сорок пять лет играл в жизни Кассандры важную роль — хорошо знакомый, пусть временами печальный, но неизменно любимый. Белое строение в три этажа приветливо смотрело на восток, в сторону древней деревушки; по одну его сторону сад спускался к реке Кеннет, а по другую поднимался к приземистой норманнской церкви. Дом этот воплощал все, что было дорого Кассандре: семью и труд, честную, простую, добропорядочную жизнь. Этот прекрасный образчик английского домостроения Кассандра ценила неизмеримо выше, чем строения куда более величественные — даже Годмершем, Стоунли и даже Пемберли, — и ей от всей души хотелось очутиться внутри, в кресле, у огня, в тепле. — Так мы?..

— Разумеется. Но где же все? Позвольте, я возьму. — Изабелла потянулась было к маленькому черному саквояжу в руке Кассандры.

— Благодарю, на это у меня сил достанет. — Кассандра прижала саквояж к себе. — Но мой дорожный сундук...

— Сундук? О-о-о... — Бледное лицо Изабеллы ничего не выразило, но ярко-голубые умные глаза пронизательно сверкнули. — Уверена, это моя вина — так много было разных дел. — Она приподняла бровь. — А письмо от вас пришло лишь вчера... разве не странно?

Вовсе не странно и даже, по чести сказать, совершенно преднамеренно. Раньше Кассандра никогда не позволяла себе такой невежливости, как явиться без надлежащего уведомления, но на сей раз у нее попросту не оставалось выбора. Поэтому на вопрос она ответила лишь слабой улыбкой.

Не дождавшись объяснений, Изабелла продолжала:

— Я не вполне поняла, надолго ли вы прибыли. Вы намерены погостить у нас подольше?

Теперь Кассандре было совершенно очевидно, что Изабелла недовольна ее прибытием. Возможно, она вовсе не такая уж покорная и тихая и под этой обманчивой мягкой оболочкой таится характер посильнее, чем казалось. Кассандра намерена была пробить здесь столько, сколько ей понадобится. И твердо решила не уезжать, пока не выполнит намеченного дела. Она пробормотала нечто неопределенное — что, возможно, затем отправится навестить племянника, — изображая несвойственную ей нерешительность, вызванную преклонными годами.

— Фред внесет ваш сундук в дом. Прошу. — Изабелла указала на дверь, которая тотчас отворилась изнутри. — А, вот и вы, Дина.

Ах да. Дина. Нужно запомнить. Дина, возможно, ей еще пригодится.

— К нам прибыла мисс Остин.

Дина приподняла бровь, неприветливо, будто через силу, сделала книксен.

— Прошу, входите.

* * *

Впервые Кассандра переступила порог этого дома еще молодой девушкой. Тогда она была высокой и стройной, и многие по доброте душевной даже называли ее красивой. Встречать ее вышла вся семья, и за спиной у них толпилась и жужжала прислуга, взволнованная, восхищенная. Кассандра тогда застыла и упивалась своим положением, своим могуществом. О сладкий миг!

Время ли сыграло с ней злую шутку или просто тогда на Кассандре был голубой наряд, который ей так шел? Да, сейчас она тоже порой смотрелась в зеркало, если возникала необходимость. И знала, что стройной ее уже не назовешь, скорее сухопарой. Спина, некогда прямая как струна, согнулась, укоротилась; лицо так исхудало и осунулось, что некогда гордый нос — фамильный нос Ли, наследство далеких аристократических предков, — теперь больше напоминал вороний клюв. А те, кто некогда любил ее... их уже нет — да и самой ее уже почти нет. Те же, кто встречает ее сегодня, — бедняжка Изабелла, строптивая Дина, Фред,

который протопал через прихожую, с ворчанием волоча сундук, — они, разумеется, знали, какую жизнь она прожила, но не представляли себе суть этой жизни. Ибо кто, взглянув на престарелую даму, увидит молодую героиню, какой она некогда была?

Из прихожей вошли в просторный холл, обшитый деревянными панелями. Кассандра шла покорно, однако ее внезапно охватила тревога. Она поспешила к внушительному камину, оперлась на него, чтобы не упасть, и в ужасе огляделась вокруг.

Где-то совсем рядом раздалось недовольное бормотание Дины: «Господи помилуй. Да она шагнула — и чуть в обморок не свалилась. А у нас и без нее хлопот полон рот». И шепот Изабеллы: «Скорее это от огорчения или она расчувствовалась. В конце концов, она здесь наверняка в последний раз в жизни».

Кассандра благоразумно не подала виду, что слышит их. То был один из разговоров, что ведутся у тебя над ухом, будто ты глухая, — разговоров, которые молодые так часто затевают при стариках. Но разве ее — это ее-то! — могут одолеть сентименты или огорчение, если они годами были ее верными спутниками? Нет. На Кассандру подействовала вовсе не мысль о том, что она приехала сюда в последний раз, — она задыхалась, руки у нее дрожали, — ее охватил страх: вдруг она слишком долго откладывала задуманное? В доме уже воцарился хаос — от вещей начали избавляться.

— Дорогая моя, скажите, вам не дурно? — Изабелла, смягчившись, подставила ей локоть.

Сколько Кассандра себя помнила, над этим камином всегда висел портрет лорда Крейвена, благодетеля Фаулов. Теперь он исчез.

— Вас слишком утомила эта поездка дилижансом, — Изабелла говорила громко, точно с умственно отсталой, а сама тем временем развязывала ленту шляпки под подбородком Кассандры. — Такое долгое путешествие и в такую холодную погоду.

Шляпку сняли. Отсюда Кассандра рассмотрела кабинет, где книжные полки уже зияли пустотами. Какие книги убрали? Когда-то здесь имелось полное собрание сочинений Джейн. Кому оно теперь досталось?

— И к тому же она приехала одна, вы только гляньте. — Дина зашла со спины и начала снимать с Кассандры плащ.

Мебель, еще оставшаяся, выглядела жалкой и униженной, точно рабы на рыночной площади.

— Быть может, ее служанка в отъезде?

— В таком случае позволю себе спросить, кто же за ней присмотрит? — Дина перекинула плащ через руку, взяла шляпку. — Я и вся королевская рать, что ли? Вот уж напугали.

Дом приходского священника, где самого священника уже нет, — всегда прискорбное зрелище. Кассандре более чем неоднократно случалось видывать подобное, и все же каждый раз картина эта действовала на нее угнетающе. В этом доме прожило три поколения Фаулов. Дом переходил от отца к сыну, и все они были достойными священнослужителями, всех небо щедро наградило прекрасными женами — но теперь эта цепь порвалась. Отец Изабеллы

умер, ее братья от дома отказались. Вне всякого сомнения, у них были свои причины растрачивать попусту фамильное наследство, и Кассандра от души надеялась, что причины эти были весомыми.

Церковный обычай давал домочадцам покойного священника два месяца на то, чтобы покинуть жилище, уступив его следующему владельцу. И, по негласному закону, церковный обычай возлагал все эти хлопоты на плечи женской части семейства. Бедняжка Изабелла. Ей предстояла горькая, тягостная и печальная задача: всего лишь в два месяца освободить обиталище, которое служило семье домом на протяжении девяти десяти лет! Разумеется, ей пришлось взяться за дело незамедлительно. Однако преподобный Фулвар Крейвен Фаул скончался всего лишь несколько недель назад. Кассандра прибыла как только смогла. И ее до глубины души потрясло, как далеко уже успела продвинуться Изабелла.

Только подумать: путешествие — столь утомительное, изматывающее, столь безобразно дорогостоящее, — возможно, было предпринято напрасно! Только подумать: то, ради чего она приехала, быть может, уже безвозвратно исчезло!

Кассандру охватила дурнота и головокружение. Изабелла заботливо пригладила ей волосы — должно быть, прическа растрепалась — и повела через холл в глубину дома.

Гостиная в Кинтбери была воплощением красоты в простоте: идеальный куб, стены выкрашены в желтый и удерживают закатный свет. Два окна выходили на обе стороны и смотрели на воду: стой и любуйся, как рыбаки удят на реке или как баржи скользят по глади канала на запад

и на восток. Прежде Кассандра из всех комнат больше всего любила эту: гостиная находила отклик в ее душе. Но нынче она вошла в гостиную, трепеща от волнения, заранее терзаемая ужасом перед тем, какое зрелище ее ждет.

Тревога оказалась напрасной. Еще с порога, даже не ступив удобной туфлей на вышитый ковер, Кассандра ощутила, что угрозы нет. В гостиной царили умиротворение и покой. Сам воздух был прежним. И мебель стояла по местам, как и раньше. Значит, она все-таки не опоздала! От облегчения колени у Кассандры едва не подогнулись. Она взглянула на Изабеллу, и в голосе ее прозвучала былая власть:

— Могу ли я привести себя в порядок перед ужином?

* * *

Кассандре и прежде нередко случалось подмечать, что когда хозяин дома умирал, вместе с ним уходил и обычный садиться за стол по всем правилам. Таков был тезис, который сегодняшний ужин обреченно и неминуемо подтвердил. Баранину подали без изысков: просто мясо, без соуса, картофеля или пудинга, и единственным, что сопровождало ее, была капуста, да и та слишком засиделась на грядке. Кассандра улыбнулась, припомнив былые трапезы, некогда так радовавшие ее в этих стенах. Отец Изабеллы всегда отличался высокими запросами и несдержанностью в проявлении чувств. Осмелюсь Дина подать ему подобный ужин, он не скрывает своего недовольствия.

Но сегодня за столом сидели лишь две дамы, а потому они вежливо возблагодарили Господа, не без усилий разрезали

баранину и принялись старательно ее пережевывать. Лишь эти звуки да громкое тиканье часов нарушали тишину. Молчание за обеденным столом оказалось еще одним удручающим нововведением и давалось Кассандре значительно труднее, чем поддавалось мясо.

— Судя по ярлычкам на вещах, я заключаю, что вы уже успели разделить большую часть имущества. — Кассандра изучила винный графин, который впервые за всю свою службу пустовал. Склонив голову набок, она удостоверилась, что права на него уже предъявил мистер Чарльз Фаул. Уж с ним-то графину пустовать не придется.

— Завещание огласили на прошлой неделе, и мои братья уже все решили. — Изабелла ничем не выдала своих чувств. Она сидела опустив голову, и ярко-голубые глаза изучали тарелку.

Кассандра, однако, вынуждена была высказаться прямолинейнее:

— И вашим братьям по завещанию достаются все без исключения предметы обихода и движимое имущество?

Она и сама услышала, как резко прозвучали ее слова, и немедля пожалела о сказанном: ей было давно и хорошо известно, что многие находили ее манеру чрезмерно резкой, и она изо всех сил старалась говорить помягче. Но на этот раз положение и впрямь было слишком досадным. Фаулы во многом походили на Остинов: два обширных семейства, богатых и сыновьями, и дочерьми, и обеим семьям улыбалась фортуна, но, судя по всему, щедро благоволила она лишь мужской части.

— Отец, правда, завещал кое-какие романы моей сестре Элизабет, — Изабелла указала на книжный шкаф

с одной-единственной полкой, пустой и пыльной. — Его самые любимые, которые они читали вместе.

Кассандра оживилась:

— Так-так!

Наконец-то разговор свернул на ее излюбленную тему. Она лукаво полюбопытствовала:

— И чьему же перу они принадлежали, могу ли я узнать?

— Чьему? — Казалось, вопрос не на шутку озадачил Изабеллу, как будто книги — это просто книги, а кто их написал, не столь уж важно. — Но как же, перу сэра Вальтера Скотта, насколько мне известно.

Кассандра покрепче ухватила вилку, изо всех сил удерживаясь от раздосадованной гримасы. Сэр Вальтер Скотт. Сэр! Почему это всегда и непременно мужчина? Ах, до чего ей хотелось в кои-то веки позволить себе несдержанность в проявлении чувств. Но нет, она промолчала, размышляя о превратностях славы, о муках истинного гения, о том, как осознала — совершенно внезапно, — что никогда не питала теплых чувств к сестре Изабеллы, Элизабет.

Но тут что-то прервало ход ее мыслей. И что? У Изабеллы наконец нашлось собственное мнение.

— На мой вкус, его книги очень... — Помедлив, она огляделась, будто подыскивая точное словцо. — Очень... очень... — И вот ее каким-то чудом осенило: — Очень длинные. — Она глубоко вдохнула, готовясь продолжить. Вступив таким образом на неожиданную стезю литературной беседы, Изабелла набралась отваги, чтобы продвинуться в неизведанную область еще дальше. — В них очень, очень много слов. — И не без горечи завершила: — Они отнимали у всех слишком уж много времени.

Кассандра обыкновенно привыкла вести беседу несколько более сложную, однако сейчас не могла не согласиться. В ином обществе она, пожалуй, настояла бы, что Скотт был тонким поэтом, и пошутила, что превзойти его в искусстве очерка никому не удалось, однако почувствовала, что сейчас перед ней вряд ли достойная публика.

— А вы, Изабелла? Вы сами любите романы? Какие у вас самые любимые?

— Романы? Я? — Изабелла вновь пришла в недоумение. — Любимые? У меня? Нет. Решительно ни одного.

На том дебаты и закончились. Кассандра сдалась. В гостиную протопала Дина и неуклюже водрузила на стол компот, который они и пили в молчании, нарушаемом лишь мерным тиканьем часов.

* * *

— Прошу вас, садитесь на мамино место, — настояла Изабелла, когда они отужинали. Кассандра без промедления согласилась, ведь мамино кресло стояло ближе всего к камину.

Перед ними зиял долгий вечер в гостиной — последняя тягота этого тягостного дня. Вошел Пирам и разлегся на ковре: дом был из тех, где собакам предоставлялась полная свобода. Кассандра ничего не имела против этого пса в частности, но не совсем одобряла подобные вольности как таковые. Она поудобнее устроилась в кресле и извлекла из саквояжа рукоделие. До чего оно всегда кстати, ведь можно не поднимать глаз от иголки и стежков. Рукоделие не раз выручало ее в сложном положении, занимало и отвлекало, если собравшиеся чувствовали себя

неловко. Кассандра нередко задавалась вопросом, как же обходятся мужчины, если у них подобного занятия нет. Хотя, судя по всему, они гораздо реже терялись и не знали, о чем заговорить.

Кассандра взяла с собой лишь лоскутное шитье. Зрение у нее было уже не столь острое, как прежде, и более тонкое рукоделие не далось бы ей при свете лампы.

— А у вас нет никакого рукоделия, милая Изабелла? — Она подсунула бумажный квадратик под лоскут хлопковой ткани в цветочек и принялась класть стежок за стежком, обшивая по краям изображение веточки хлопка. — Вы ничего не вышиваете, не вяжете?

Изабелла, не сводя глаз с огня в камине, покачала головой:

— Мне такое всегда скверно давалось.

Кассандра, которая могла бы шить и с закрытыми глазами, взглянула на собеседницу удивленно. До чего чудная эта малютка Изабелла. Кассандра знала ее с самого рождения — как быстро мелькнули и пронеслись годы! — и все же, как она сейчас поняла, на деле вовсе ее не знала. Она пристально оглядела собеседницу: фигура изящная, но траурный наряд сидит скверно; черты вроде бы и тонкие, но скорбь лишила лицо миловидности. Изабелла не унаследовала ни красоту матери, ни ум отца — хотя голубые глаза, так приковывавшие внимание, несомненно, были от него. Миновало сорок лет, и даже теперь ничего определенного о ее характере и сущности заключить так и не получается. Вряд ли удастся пожить здесь, в доме священника, не завязав хоть какое-то подобие отношений с его дочкой, но с Изабеллой она словно блуждала в полном мраке, нащупывая

в толстой глухой стене потайную дверцу. И ключ было не подобрать.

Вдруг Кассандру осенило:

— Надеюсь, когда настал последний час вашего отца, смерть была к нему милосердна?

Что же еще и обсуждать с теми, кто недавно понес утрату, если не саму Утрату?

Изабелла вздохнула:

— Еще дней за десять стало ясно, что его последний час близок. После ужина у отца приключился удар, а когда Дина вошла к нему на следующее утро, он был так слаб, что и встать не мог...

Ключ подошел. Дверца наконец распахнулась, и беседа завязалась.

— ...Боль, которая его мучила, которую он переносил так мужественно, наконец...

Игла так и мелькала, а Кассандра продолжала внимать рассказу о ледяных ваннах и припарках и внезапно почувствовала себя гораздо уютнее.

— ...На пятый день папенька так упал духом, что нам удалось наконец пригласить доктора...

— Разве к услугам доктора до этого не прибегали?

Какое возмутительное небрежение!

Изабелла снова вздохнула:

— Мистер Лиддердейл прекрасный врач, и большая удача, что он практикует в нашем приходе. К нему охотно обращаются все — вернее, все, за исключением папеньки. Отцу казалась сомнительной сама мысль о том, чтобы в деревне имелся доктор. Он опасался, что в таком случае возьмут привычку хворать те, кто менее всех может себе